

Е.Н. РУДЕНКО

(Белорусский государственный университет, Минск)

СВОБОДА В ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА БЕЛОРУСОВ

Abstract:

Rudenko E. *Freedom in the linguistic worldview of the Belarusians*

The article is devoted to the concept of «freedom» in the Belarusian language. Three types of data (dictionary, text and psycholinguistic) are involved. The material of all available dictionaries is extracted and summarized; precedent texts and corpus data are analyzed; associative dictionaries and other studies are explored; surveys are conducted, too. As a result, ethnolinguistic view on these data as far as on Belarusian toponyms with names of 'freedom' is created.

Ключевые слова: Концепт «свобода», картина мира, этнолингвистика, лексикон, текст, психолингвистика, белорусский язык.

В настоящей статье приведены наиболее значимые результаты исследования концепта «свобода» в языковой картине мира белорусов. Это исследование проводилось в соответствии с методикой Польской этнолингвистической школы, согласно которой учитываются три вида данных: словарные, текстовые и анкетные¹.

1. Словарные данные. По данным словарей, для носителя современного белорусского языка концепт «свобода» означает:

1) государственную независимость. В этом значении, помимо слова *свабода*, часто выступают лексемы *незалежнасць, самастойнасць*, в печати и современных художественных текстах – *воля*;

2) демократические и гражданские свободы. В средствах массовой информации используется много устойчивых сочетаний и речевых штампов со словом *свабода*: *дэмакратычныя свабоды, свабода друку, гандлю* и др. Само слово *свабода* (*свабодны*) в этом значении в обыденной речи часто имеет иронический оттенок и противопоставляется порядку, дисциплине и законности (*зараз у нас свабода; свабоднае выхаванне* и т.д.), то есть понятие свободы переосмыслилось весьма специфическим образом;

3) личную свободу как состояние. В этом значении употребляются слова *свабода* и *воля*, но чаще *воля*;

4) простор, отсутствие преград – на современном этапе развития белорусского языка обозначается преимущественно словом *воля*².

В качестве устойчивых сочетаний словарями приводятся *барацьба за свабоду, браць многа свабоды, дэмакратычныя свабоды, свабода веравызнання, даць свабоду; браць многа волі, даць многа волі, даць волю рукам, вольнаму воля, вольная воля; даваць волю*³.

2. Текстовые данные. Для белорусского языка и белорусской культуры давней и устойчивой является традиция понимания свободы как социального феномена – ‘отсутствие политического и экономического гнета, отсутствие ограничений в общественно-политической жизни’. Этот концепт был весьма актуален для Великого княжества Литовского – именно с этой эпохой соотносится устойчивое выражение *золотая вольность*, – в старобелорусском языке он передавался лексемами *свобода, свободность, воля, вольность*. Значимость социальных свобод подчеркивается в ключевых памятниках письменности, таких как Предисловие Льва Сапегы к «Статуту 1588 года» (*кожъдый обыватель годенъ естъ нага-ненья, который вольностью се фалить и правъ своихъ умети и розумети не хочеть, которымъ правомъ усю вольность свою обварованую маеть*)⁴ или Предисловия к Библии Франциска Скорины (*ровная свобода всемъ, общеє имение всехъ* (Скар. ДЗ, 3))⁵. В письменных текстах социальный аспект концепта «свобода» является наиболее реализуемым на всем протяжении развития белорусского языка вплоть до сегодняшнего дня (см. ниже корпусные данные).

Для нового периода развития белорусского языкового сознания (начало XIX в., первое возрождение) свобода, воля – это крестьянский идеал (*зямля і свабода, зямля і воля*), реализованный во многих значимых текстах художественной литературы, например, в поэме «Новая земля» Якуба Коласа: *...гэта думка аб зямлі Запала ў сэрца назаўсёды, Як промень волі свабоды*. Позже он, под влиянием русскоязычной литературы, трансформировался в бел. *свабода*, в идеал политический, революционный (*шлях, прамень, сцяг, вецер свабоды*).

Для гражданина Беларуси, которая часто бывала в эпицентре военных конфликтов, свобода означает также суверенитет, независимость страны и, соответственно, неразрывно связана с идеей ее защиты: *Усе, каму свабода дарага, падымайцеся на ворагаў, на катаў* – М. Танк. См. также близкое к фразеологизму выражение *барацьба за свабоду*.

Свобода, как и любое абстрактное понятие, в целом осмысливается человеком в терминах пространства, например, как место, куда можно попасть (*рвацца к свабодзе, прыкрыць свабоду груд-*

зямі, дарога да свабоды), или как предмет, который может быть дан, отнят и т.д. (см. фразеологизмы *даваць волю, свабоду* ‘чрезмерно баловать’; *браць многа волі, свабоды* ‘своевольничать’). Пассивность (естественно, неосознанная) «субъекта свободы» для носителей русского языка подчеркивалась Анной Вежибицкой⁶: русская (и белорусская) свобода может даваться и отниматься извне, в то время как для англичанина, например, это собственное чувство независимости, которое не может быть привнесено: *Даць свабоду ўсім народам!* – Л. Арабей. (Скіба:) *Чаму вы чакаеце, каб яны вам свабоду на талерцы паднеслі* – К. Крапіва.

Свобода для белоруса – это нечто ценное, и, как все ценное, антропоморфизмуется: *Няма гэтых пугаў, Якімі закулі свабоду* – М. Танк; *свабода к вам стукае ў дом* – Я. Колас; *не задушыць свабоды; свабода прыйшла; шчыт для свабоды*. В целом такие контексты малотипичны для предикатно-аргументной структуры обозначений понятия «свобода» в силу его непредметного характера. Свобода – или концепт состояния, или признаковый концепт, например, ее можно переживать как чувство: *прага да свабоды, адчуванне свабоды, пачуццё свабоды*.

Субъектом свободы может выступать не только человек (*Распарадзілася Зінаіда: – Няхай Аўдоця сядзе. А мы на свабодзе пакоцім...* – А. Савіцкі), совокупность людей или социум, но и элементы живой и неживой природы (*І чуць апошні лёд зламаўся, З зямлі клубок вады падняўся І з шумам коціць паўзверх лёду, Пачуўшы волечку-свабоду, Усё большы-большы круг займае* – Я. Колас).

Все сказанное в двух предыдущих абзацах о бел. *свабода* полностью применимо и к бел. *воля*. Например: *Быць спакойным Яно не можа – Значыць, мору Патрэбна воля* – С. Фамін.

В качестве материала для текстового и корпусного исследования концепта «свобода» в белорусской публицистике были избраны: 1) архивы трех газет; корпус научных и научно-популярных текстов⁷; 2) корпус текстов разных жанров, созданный в Академии наук Беларуси и доступный онлайн⁸; «Экспериментальный корпус белорусского языка» газетных и художественных текстов, разрабатываемый на филологическом факультете БГУ⁹.

Исследование концепта «свобода» в белорусской прессе проводилось на материале архивов газет разной политической ориентации: «Советская Белоруссия», «Звезда», «Наша ніва», с привлечением данных публицистических подкорпусов названных выше корпусов БГУ и Академии наук РБ.

Газета «Советская Белоруссия» выходит 5 раз в неделю тиражом более 500000 экз., ее учредителем является Администрация Президента Республики Беларусь. Постулируется, что газета двуязычна, однако подавляющее большинство материалов выходит на русском языке. Официальная белорусскоязычная газета Беларуси – «Звезда», учредителями которой являются Совет Республики Национального собрания Республики Беларусь, Палата представителей Национального собрания Республики Беларусь, Совет министров Республики Беларусь. Газета «Наша ніва» – еженедельная независимая белорусскоязычная газета, тираж которой более 6000 экз.; объем газеты – 48 с. половинного формата.

Из проанализированных контекстов следует, что в Беларуси пресса трактует свободу преимущественно как социальное понятие. Это координирует с данными словарей: бел. *свабода* понимается в первую очередь как ‘отсутствие политического и экономического гнета, отсутствие стеснений, ограничений в общественно-политической жизни и деятельности какого-либо класса или общества в целом’. В рамках этого значения часто реализуются устойчивые сочетания *свабода друку*, *свабода веравызнання*, *дэмакратычныя свабоды* и т.д. В «Советской Белоруссии» социальным свободам посвящено 43% контекстов, в «Звездзе» – 45%, в «Нашай ніве» – 56%.

Способ представления концепта «свобода» в прессе Беларуси зависит не от языка, а от общей ориентации издания: преимущественно русскоязычная «Советская Белоруссия» и белорусскоязычная «Звезда» имеют сходные характеристики.

В официальной прессе Беларуси свобода чаще трактуется как государственная независимость, в половине контекстов эта семантика связывается с темой Великой Отечественной войны.

Трактовка свободы в белорусскоязычной «Нашай ніве» отличается от двух названных выше газет. Здесь гораздо выше процент материалов, где свобода понимается как социальный феномен (56%), и половина их сообщает об отсутствии или недостаточной реализации социальных прав и свобод. Преимущественное внимание к отрицательному, к недостаткам в реализации социальных свобод обусловило тот факт, что очень многие из отобранных контекстов посвящены внутренней жизни страны (90%).

Специфика в трактовке свободы белорусскоязычной «Нашай нівай» заключается также в активном употреблении слова *воля* ‘свобода’ в противовес «Советской Белоруссии» и «Звездзе». Повидимому, это объясняется тем, что белорусский язык «Звезды», в отличие от языка «Нашай нівы», – результат длительной руси-

фикации. Кроме того, язык «Советской Белоруссии» и «Звездь» отражает влияние советского дискурса, где воля была синонимом анархии, а следовательно, мало употреблялась в качестве синонима «официозной» свободе.

В художественных текстах из корпусов Академии наук и БГУ лексема *свабода* в большей половине контекстов употреблена в значении ‘отсутствие политического и экономического гнета, отсутствие стеснений, ограничений в общественно-политической жизни и деятельности какой-либо группы или общества в целом’, что совпадает с пониманием свободы в публицистике. Треть контекстов – реализация семантики ‘личная независимость, самостоятельность’, и очень немногие – ‘государственная независимость’ (3%), причем, в половине случаев речь идет не о Беларуси: *І ўсё ж невыказна горка ад таго, што ўжо два стагоддзі, як на першую з гэтых шалюў – за свабоду нашых далёкіх і блізкіх суседзяў – пакладзена беларускіх жыццяў нязмерна болей, чым за свабоду ўласную* (У. Арлоў. Мой радавод да пятага калена, або Спроба пазбегнуць выгнання).

Характерно, что в художественных подкорпусах контекстов с лексемой *воля* в два раза больше, чем с лексемой *свабода*. В половине контекстов слово *воля* представлено как синоним *свабода* (остальные – ‘желание, стремление’), причем также преобладает социальное понимание концепта: *Беларусі на пацеху Вашы дзеткі каб расьлі, І пад бацькаўскія стрэхі Славу й волю прынясьлі* (К. Акула. Ашаўскай самапомачы зычлівае слова ад суседа). *Воля* также активно трактуется как антоним к ‘тюремное заключение’.

3. Анкетные данные. Третья группа сведений об исследуемом концепте – анкетные данные. Нами было проведено анкетирование с 70 студентами-гуманитариями и 50 – естественниками. Им предлагалось выполнить следующие пункты развернутой анкеты:

1. Запішыце словы, якія можна выкарыстаць замест слова *свабода*.
2. Запішыце словы, супрацьлеглыя па значэнні слову *свабода*.
3. Запішыце 3 асацыяцыі да слова *свабода*.
4. Запішыце 3 асацыяцыі да слова *воля*.
5. Запішыце 3 асацыяцыі да слова *вольнасць*.
6. Якая бывае *свабода*? Дапішыце 3 атрыбуты да слова *свабода*: *свабода* (якая?) ...
7. Дапішыце 2-3 дзеясловы, якія спалучаюцца са словам *свабода*. *Свабода* (што робіць?) ...
8. Дапішыце назоўнікі да прыметнікаў *свабодны*, *свабодная*, *свабоднае*, *свабодныя*.

9. Дапішыце назоўнікі да прыметнікаў *вольны, вольная, вольнае, вольныя*.

10. Дапішыце другую частку складанага сказа: *У Фрыляндый свабода, але ...*

11. Запішыце вядомыя вам устойлівыя выразы, прыказкі і прымаўкі са словам *свабода*.

12. Запішыце вядомыя вам устойлівыя выразы, прыказкі і прымаўкі са словам *воля*.

13. Напішыце кароткае сачыненне, якое пачынаецца словамі: *На маю думку, свабода ... Па-мойму, сутнасць свабоды... Мне здаецца, свабода (свабоду, свабодай ...) ...*. Адкажыце ў ім на пытанні: *Што значыць слова "свабода"? Што значыць, па-вашаму, "сапраўдная свабода"?*

Аналіз адветов інфармантов паказаў следуючае:

1. Среди слов, которыми можно заменить бел. *свабода*, наиболее часто встречаются *воля, незалежнасць, вольнасць, роўнасць, вальнадумнасць, братэрства*, где *воля, незалежнасць, вольнасць* являются синонимами, *вальнадумнасць* – гипонимом, а *роўнасць* и *братэрства* – элементами, часто встречающимися вместе с бел. *свабода*.

2. Понятиями, противоположными «свобода», по мнению информантов, являются *няволя, зняволенне, рабства, прыгнёт* – в словарях антонимом бел. *свабода* и *воля* называется только *няволя*¹⁰.

3–5. Что касается ассоциаций к бел. *свабода, воля, вольнасць*, то они в значительной степени пересекаются. Во-первых, в ассоциациях названные лексемы часто взаимозаменяемы, особенно *свабода* и *воля*. Во-вторых, ассоциации этих лексем часто подобны, например, и к бел. *свабода*, и к бел. *воля* дана ассоциация *права; воля* и *вольнасць* – *магчымасць, дазволенасць; свабода, воля, вольнасць* – *дазвол, прастора*. Характерно, что практически все ассоциации к названным трем словам являются парадигматическими.

6. Самыми частыми атрибутами бел. *свабода* являются *роўная, сапраўдная, (не)абмежаваная, уласная; бел. воля* – *сапраўдная, чалавечая; бел. вольнасць* – *(не)абмежаваная*. Таким образом, атрибуты рассматриваемых лексем также часто повторяются; исключением являются только фразеологизированные сочетания, например, *асабістая свабода; добрая воля, свая воля, народная воля; залатая вольнасць, шляхетская вольнасць*.

7. Среди самых частотных глагольных словосочетаний с лексемой *свабода* можно назвать *свабода існуе, акрыляе, узвышае, дазваляе*, но и *губіць*. Заданная модель словосочетания «подталкивала» информантов к антропоморфизации свободы, и эта ан-

тропоморфизация была в полной мере реализована: *свабода прыходзіць* и даже *памірае, уваскрасае, жыве*. Несмотря на такую модель, в ответах информантов нередки были сочетания, где бел. *свабода* являлась объектом действия (*адстойваць, абараняць, атрымаць, чакаць свабоду*) или где инфинитив выполнял атрибутивную функцию (*свабода гаварыць, мысліць, выбіраць*).

8–9. Наиболее распространенными существительными при атрибуте *свабодны* (-ая, -ае, -ыя) были следующие: *свабодны чалавек, народ, пакой, выбар; свабодная нацыя, дзяржава, краіна; свабоднае жыццё, адзенне, мысленне; свабодныя людзі, выбары, адносіны*. Фактически те же существительные распространяются прилагательным *вольны* (-ая, -ае, -ыя), за исключением сочетаний, близких к устойчивым: *вольны вецер, шлях; вольная птушка; вольны мастацтвы, паводзіны*.

10. Варианты завершения предложения *У Фрыляндыі свабода, але...* (вариация but-теста) весьма любопытны и показательны. Сущность наиболее распространенного завершения – ..., *але такога месца на свеце няма*. Далее следует: ..., *але толькі на словах; ..., але ёсць абмежаванні*. But-тест выявляет страхи белорусов:

..., *але няма ўпэўненасці ў будучыні*.

..., *але ўзровень жыцця вельмі нізкі*.

..., *але холадна*.

..., *але людзі ўсё адно нешчаслівыя*.

Единичен контекст, когда бел. *свабода* трактуется как анархия: ..., *але людзі прытрымліваюцца закону*.

И типично белорусское резюме: *У Фрыляндыі свабода, але дома лепш*.

11–12. Известные информантам устойчивые выражения со словами *свабода* и *воля* очень немногочисленны: фактически они ограничиваются фраземами *вольнамуволя* и *свабода слова*. Представлен также фразеологизм *на ўсё воля Бога (божяя воля)*, где *воля* выступает в значении ‘желание’.

13. Короткое сочинение носителей белорусского языка на тему свободы показало следующее:

Подавляющее большинство информантов понимают свободу как личностную категорию. Для них важно ощущение личной свободы, которая трактуется и как *стан душы, свабода думкі*, и как индивидуальная независимость. В сочинениях очень часто повторяется сочетание *свабода выбару*, но этот выбор не должен ущемлять свободу другого. *Свабода – паняцце адноснае; Свабода заканчваецца там, дзе пачынаецца свабода другога* – вот вторая ключевая мысль сочинений. Свобода – не вседозволенность, сво-

бода неотделима от ответственности и обязанностей. Но такое понимание свободы никак не связывается со страной, с государством – речь идет о межличностных контактах. Свобода как социальная категория представлена только в двух ответах, например: *Сапраўдная свабода – калі грамадзяне выказваюць свае меркаванні, і ўлада да іх прыслухоўваецца.*

Парадокс, но, согласно другим пунктам анкеты, свобода для белорусов – социально-политический концепт. Показательны ответы на 11-й пункт (*свабода слова, свабода друку, дэмакратычныя свабоды*). Клишированные ответы такого рода можно назвать «цивилизационными» или «европоцентристскими».

Таким образом, трактовка свободы информантами отличается от трактовки свободы в толковых словарях белорусского языка и в текстах. Там свобода репрезентируется в первую очередь как социальный феномен, неотделимый от понятий «страна» и «государство». Приоритет индивидуальной, личностной свободы характерен для носителей русского языка. То, что эта черта повторяется в анкетах на белорусском языке, по-видимому, является следствием двуязычия информантов, причем, для многих из них родным является именно русский язык.

С другой стороны, картина мира белорусов, в том числе и русскоязычных, отличается от картины мира русскоязычных россиян. Этой проблеме уже посвящались специальные исследования¹¹. Нами это явление описано в других работах на материале политического дискурса – ежедневных газет Беларуси (белорусско- и русскоязычных) и Украины (украинско- и русскоязычных) в сравнении с русскоязычными газетами России¹². К сожалению, бел. *воля, вольнасць, свабода* отсутствуют в ассоциативных словарях белорусского языка¹³. В Славянском ассоциативном словаре¹⁴ приводятся ассоциации к бел. *вольны: вецер 167, чалавек 96, час 63, птушка 20, свабодны 17, свабода 14, народ 12, ... , ветер 5*. Среди названных наиболее частых ассоциаций привлекают к себе внимание два факта: 1) реакция *чалавек* гораздо более частотная, чем реакция *народ*, реакция *Беларусь* – единичная; 2) среди частотных встречается русскоязычная реакция *ветер* – русскоязычные реакции на белорусскоязычные стимулы в целом нередки.

В Беларуси два государственных языка: русский и белорусский. Анкетирование проводилось в Беларуси не только на белорусском, но и на русском языке, а также на русском языке в двух городах России. Ответы белорусов на белорусском и русском языках были очень похожи между собой. Это в целом характерно для белорусского менталитета: различия могут быть связаны с груп-

повой, возрастной, гендерной идентичностью, но, как правило, не языковой. Большинство информантов расценивали свободу как личностную категорию – это показывает изменение идентичности белорусов, процесс ее русификации. Специфика ответов на пункты анкеты белорусов (белорусско- и русскоязычных) заключалась в том, что для белорусов свобода чаще и сильнее связана с категорией ответственности, с ограничениями.

Анкетирование показало также гендерные различия. Например, только женщины предлагали такие ответы, как *небяспечная свабода*. Частая женская ассоциация к прилагательным *свабодны, вольны: свабоднае адзенне*, бел. *вольны вецер*, мужская – *вольны птах, вольныя пвodziны*. Для мужчин чаще, чем для женщин, свобода обозначает деньги, для юношей – финансовую независимость от родителей.

Свобода чаще антропоморфизируется женщинами, и это типично для информантов, принадлежащих ко всем опрошенным группам. Свобода «вдохновляет», «умирает», «живет» и др. чаще для женщин, чем для мужчин. Кстати, свободу представляют как женщину носители всех языков, по крайней мере индоевропейских.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Большинство жителей Беларуси двуязычны и хотя бы пассивно владеют обоими языками. Языковая картина мира белоруса зависит от многих факторов: характер билингвизма (он может быть разным даже при преимущественной распространенности смешанного асимметричного типа); язык представления – русский или белорусский – и его территориальная и/или социальная разновидность; социальное положение, пол, возраст, образование носителей.

Исследование публицистических текстов (белорусскоязычные и двуязычные газеты) и анкетирование показали, что представление концепта зависит не столько от языка (русский или белорусский), сколько от социальной принадлежности, возраста, пола, образования. Жители Беларуси консолидированы как нация, в отличие, например, от жителей Украины, где аналогичный анализ демонстрирует наличие двух разных языковых картин мира в зависимости от используемого языка.

«Свобода», по данным белорусского языка, в словарях, в художественной литературе, в публицистике (бел. *свабода, воля, вольнасць, незалежнасць*) предстает в первую очередь как соци-

альный концепт, реализующийся в значениях ‘отсутствие политического и экономического гнета, отсутствие ограничений в общественно-политической жизни и деятельности какой-либо группы или общества в целом’ (*дэмакратычныя свабоды*), ‘государственная независимость, суверенитет’ (*барацьба за свабоду*).

В рамках публицистического дискурса лексемы, посредством которых обозначается понятие «свобода» (бел. *свабода, воля, вольнасць, незалежнасць*), передают также семантику ‘возможность беспрепятственно действовать в какой-либо области’ (*свабода прадпрымальніцтва, акадэмічныя свабоды* и под.), ‘демократические и гражданские свободы’ (*свабода слова, свабода друку*); ‘состояние, противоположное тюремному заключению’. Именно публицистический, общественно-политический дискурс дал языку новую фразеологию, связанную с социальной трактовкой свободы: *свабода друку, свабода веравызнання* и т.д. (в народной фразеологии и паремиологии из всех существительных, номинирующих концепт, встречается только *воля – вольнаму воля, даваць волю* и др.). Фраземы с бел. *свабода* активно употребляются молодым поколением белорусов, что указывает на связь с исторической традицией понимания свободы как социальной ценности.

Социальный аспект свободы преобладает и в современных художественных текстах, как показал анализ корпусных данных. Эта традиция восходит еще к старобелорусскому языку; она укреплялась в новой белорусской литературе периода первого возрождения и поддерживается публицистикой.

Белорусские обозначения свободы в художественной литературе передают значения ‘личная независимость, самостоятельность’; ‘состояние, противоположное неволе: тюремному заключению, крепостному праву и др.’; ‘период времени’; ‘отсутствие преград, простор’, помимо приведенных в начале раздела. Субъектом свободы в художественной литературе чаще выступает человек или государство (второе – в произведениях о Великой Отечественной войне), в поэтических текстах – элемент природы (при ее антропоморфизации), хотя группа людей также возможна в качестве субъекта.

Иная позиция представлена в анкетах. Поскольку информантами были молодые люди, то анкеты отражают понимание свободы новым поколением белорусов и изменение содержания концепта в современной белорусской языковой картине мира. Свобода в современном понимании – личностная категория. Это индивидуальная независимость, это свобода выбора, это *свабодны чалавек*. Свобода индивидуума в понимании молодых белорусов не-

отделима от ответственности и обязанностей, особенно в межличностных контактах. Ответы информантов показывают, что они осознают связь между личностным и социальными аспектами свободы: личная свобода обеспечивается свободой социальной и во многом зависит от нее. Однако нельзя не отметить, что социальный аспект реализуется только во фраземах, т.е. воспроизводится автоматически. Как известно, клишированные контексты воплощают самые устойчивые представления – трактуя свободу как индивидуальное состояние, белорусская молодежь опирается на традицию ее понимания как социальной ценности.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Bartmiński J.* O językowym obrazie świata – razjeszcze // *Poradnik Językowy*. 2014. 7–24.07.

² Глумачальны слоўнік беларускай літаратурнай мовы / Пад рэд. М.Р. Судніка, М.Н. Крыўко. Мінск, 2005; Глумачальны слоўнік беларускай мовы / Пад рэд. К. Крапівы. Т.1-5. Мінск, 1977–1984.

³ *Іванова С., Іваноў Я.* Слоўнік беларускіх прыказак, прымавак і крылатых выразаў: лінгвакраіназнаўчы дапаможнік. Мінск, 1997; *Ленішаў І.Я.* Фразеалагічны слоўнік беларускай мовы. Т. 1–2. Мінск, 1993; *Суднік М.Р.* Беларускія народныя прыказкі і прымаўкі. Мінск, 1957; *Фядосік А.С.* Анталогія беларускай прыказкі, прымаўкі і выслоўя. Мінск, 2002; *Янкоўскі Ф.* Беларускія прыказкі, прымаўкі, фразеалагізмы. Мінск, 2004.

⁴ Зварот Льва Сапегі да ўсіх саслоўяў Вялікага княства Літоўскага // Беларуская Палічка [Электронны рэсурс]. URL: <http://knihi.com>. Дата абрашчэння: 01.10.2013.

⁵ Картагэка Гістарычнага слоўніка беларускай мовы (Мінск, 1982).

⁶ *Вежбицкая А.* Семантычныя універсаліі і апісанне языков. М., 1999.

⁷ *Corpus Albaruthenicum* [Электронны рэсурс]. URL: <http://grid.bntu.by/corpus>. Дата абрашчэння: 01.10.2013.

⁸ Беларускі N-корпус [Электронны рэсурс]. URL: <http://bnkorporus.info/about.html>. Дата даступа: 01.10.2013.

⁹ Yet Another Belorussian Corpus [Электронны рэсурс]. URL: <https://github.com/poritski/YABC>. Дата абрашчэння: 01.10.2013.

¹⁰ *Гамеза Л.М.* Комплексны лексічны слоўнік беларускай мовы (сінонімы, антонімы, амонімы, паронімы). Мінск, 2008.

¹¹ *Панейка А.А.* Лексічныя асацыятыўныя палі ў беларускай і рускай мовах: Аўтарэф. дыс. ... канд. філал. навук. Мінск, 2000.

¹² *Руденко Е.Н.* Концепт «свобода» в языковой картине мира белорусов: развитие и функционирование // *Etnolingwistyka*. Lublin: Wydawnictwo UMCS, 2011. С. 177–194.

¹³ *Цітова А.І.* Асацыятыўны слоўнік беларускай мовы. Мінск, 1981.

¹⁴ Славянский ассоциативный словарь: русский, белорусский, болгарский, украинский / Российская Академия наук. Редкол.: Н.В. Уфимцева (гл. ред.) [и др.]. М., 2004.